

Из истории
интеллектуальных поисков

КАБАНИС: КЛАССИК ВУЛЬГАРНОГО МАТЕРИАЛИЗМА?

А.А. КРОТОВ

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия*

Аннотация

Статья посвящена анализу теоретического наследия П.Ж.Ж. Кабаниса, который, по мнению многих интерпретаторов, является крупнейшим представителем вульгарного материализма во французской философской традиции. Феномен вульгарного материализма нередко воспринимался историками мысли как свидетельство духовной деградации эпохи, доказательство ее творческой исчерпанности. Такого рода схема позволяла говорить об упадке французской философии на рубеже XVIII и XIX вв., об ослаблении критического элемента в культуре и преобладании прямолинейно-догматического. В работе доказывается, что само существование вульгарного материализма на завершающем этапе развития просветительских идей во Франции проблематично, может быть поставлено под вопрос. Философия эпохи Директории и Консульства не сводится к упрощенной версии непосредственно предшествовавших ей учений. Она обладает определенной спецификой, ключом к которой в значительной степени выступает философия Кабаниса. В статье показано, что в своей итоговой работе Кабанис защищал идеи, несовместимые с позицией вульгарного материализма. Приводятся аргументы, позволяющие говорить об отсутствии резкого разрыва в его взглядах, о возможности истолковать его творчество, не опираясь на идею смены мировоззренческих позиций. Философия Кабаниса заключает в себе установки, характерные для эпохи Просвещения в целом: это и критика деспотизма, и стремление опровергнуть распространенные предрассудки, и призыв содействовать счастью человеческого рода путем устранения всякой несправедливости. Положения о взаимосвязи медицины и нравственности, о моральном в человеке как проявлении физического, несут на себе отпечаток влияния материалистических идей. Но концепция верховной причины, особое истолкование проблемы религии, тезис о невозможности метафизики придают учению Кабаниса неповторимое своеобразие, позволяющее рассматривать его наследие как источник вдохновения для сторонников противоположных тенденций последующей философии: позитивистской и спиритуалистической.

Ключевые слова: Кабанис, школа «идеологов», философия Просвещения, метафизика, пантеизм, французская философия.

Кротов Артем Александрович – доктор философских наук, заведующий кафедрой истории и теории мировой культуры философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

krotov@philos.msu.ru

Цитирование: КРОТОВ А.А. (2017) Кабанис: классик вульгарного материализма? // *Философские науки*. 2017. № 9. С. 67–79.

Феномен вульгарного материализма нередко воспринимался историками мысли как своего рода свидетельство духовной деградации эпохи, доказательство ее творческой исчерпанности. Такого рода схема позволяла некоторым из них говорить об упадке философского начала в тот или иной конкретный исторический период, об ослаблении критического элемента в культуре и преобладании прямолинейно-догматического. Зачастую само существование вульгарного материализма рассматривалось как критерий, позволяющий четко очертить направленность развития социума. Последующие приверженцы материалистического подхода всячески стремились дистанцироваться от родственной, но казавшейся им «неразвитой», примитивной формы философского сознания, подчеркивая глубину и научную обоснованность собственной позиции. Применительно к французской философской культуре классической эпохой вульгарного материализма для ряда интерпретаторов неизменно представлял рубеж XVIII и XIX вв., поздний этап в развитии идей Просвещения. Роль признанного лидера направления отводилась Кабанису.

Как представляется, само существование вульгарного материализма на завершающем этапе развития просветительских идей во Франции проблематично, может быть поставлено под вопрос. Философия эпохи Директории и Консульства не может быть сведена к упрощенной версии непосредственно ей предшествовавших учений. Она обладает определенной спецификой, разобраться в которой в значительной степени позволяет интересующая нас тема.

Пьер Жан Жорж Кабанис (1757–1808) родился в Коснаке, в семье адвоката, известного в среде знатоков своим многократно переиздававшимся трудом по агрикультуре, отмеченным Академией г. Бордо. Наряду с родителями, первыми наставниками будущего философа были два провинциальных священника. В десятилетнем возрасте он был направлен в коллеж г. Брив, руководимый конгрегацией доктринеров. В коллеже он провел четыре года и был исключен за непослушание. Отец, взявший было в свои руки дело его воспитания, вскоре убедился в недостаточности собственного влияния на сына. Юному Кабанису было позволено для завершения образования отправиться в Париж. В 1773–1775 гг. в качестве секретаря князя Масальского он совершил длительное путешествие в Германию и Польшу. После возвращения в Париж он имел все основания рассчитывать на протекцию со стороны Тюрго, генерального контролера финансов и давнего друга его отца. Но Тюрго потерял свою должность и министерская карьера Кабаниса не состоялась. В течение последующих шести лет он изучал медицину под руководством Дюбрёйя. К этому

времени относится его знакомство со знаменитыми философами эпохи: Дидро, Даламбером, Гольбахом, Кондильяком, Вольтером. В салоне вдовы Гельвеция он встречает Ларомигьера, Вольнея, Гара, Дестюта де Траси, Джефферсона, Франклина. Начавшаяся революция сводит его с Мирабо, который становится его другом и пациентом. Создание центральных школ послужило Кабанису поводом занять должность профессора гигиены. Он входит в состав национального Института, организованного по решению Конвента в 1795 г. (по классу моральных и политических наук). В конце года он с большим успехом начинает читать в национальном Институте лекции о соотношении физического и морального в человеческой природе. В 1797 г. Кабанис становится членом Совета пятисот. В Совете, в частности, он выступает с докладом об организации медицинских школ. Кабанис способствовал приходу к власти Бонапарта в ходе брюмерианского переворота. Вскоре он входит в число сенаторов. В 1802 г. выходит в свет его главное философское произведение – «Отношения физического и морального в человеке». В 1807 г., будучи тяжело больным, он отказывается от всякой активной деятельности и поселяется в уединении, сначала в Мёлане, затем в Рюёй.

Именно основной труд Кабаниса послужил поводом для многих интерпретаторов зачислить его в выразители идей вульгарного материализма. В этом произведении он говорит о зависимости потребностей и способностей человека от его организации. Физический аспект человеческой природы служит, по его мнению, ключом к анализу идей, включая моральные представления. Структура и свойства тела позволяют понять множество жизненных проявлений. Кабанис подчеркивает, что моралист и врач должны действовать сообща, их позиции должны совмещаться в исследовании человека. Он замечает, что с того момента, как была проведена жесткая граница между физическим и моральным человеком, именно в области нравственных идей наблюдается господство смутных метафизических установок. Оказываясь вне опыта, они препятствуют созданию надежного научного фундамента изучению моральной сферы, размывают предмет исследования, лишая его надежной опоры. Поэтому большинство попыток раскрыть моральную природу человека не имели успеха, направлялись одним воображением. Подобное положение дел держалось до появления Локка, который сумел изменить ситуацию, поскольку открыл фундаментальные истины. Эти истины «предчувствовались» некоторыми его гениальными предшественниками, к числу которых Кабанис относит Демокрита, Аристотеля, Эпикура, Бэкона, Гоббса и др. Важнейшая из открывшихся Локку истин, «фундаментальная аксиома» заключается в положении о происхождении всех знаний из чувственного опыта. Кабанис настаивал на том, что Кондильяк развил и улучшил систему Локка. Но, несмотря на блестящий ана-

лиз многих вопросов, предпринятый Кондильяком, ряд проблем он оставил как бы в тени, без должного прояснения. Своей задачей Кабанис как раз и ставит восполнение этого пробела. Более того, он прямо полемизирует по некоторым вопросам со своим философским учителем. В частности, он упрекает Кондильяка в ошибочном понимании инстинктивных операций и др.

К числу важнейших положений собственной программы Кабаниса относится утверждение о том, что всякий подлинный прогресс в «моральных науках» возможен лишь на основе понимания неизменной и общей природы человека. Революционные события, настаивал он, вовсе не вызваны неким свободным развертыванием идей, как казалось многим его современникам. Их причина — в отсутствии соответствия между социальными институтами и состоянием умов. В предреволюционную эпоху не идет речи о свободном развитии идей, как раз напротив, ему искусственно и неумело воздвигаются различные препятствия. Мудрость и насилие отнюдь не предполагают друг друга; они существуют в различных плоскостях. Новые идеи будут оказывать на общество мягкое, плодотворное воздействие, если их пояснять по возможности всесторонне и точно. Мораль неотделима от потребностей человека; подтвердить такого рода утверждение можно изучением телесной организации и различных проявлений чувствительности. Подобным путем можно сообщить принципам морали надежное основание, доказав их математически. В добродетели Кабанис видит главное средство примирения отдельного человека с обществом. Источником же практически всех человеческих несчастий он объявлял заблуждения.

Для Кабаниса все знания предстают как соединенные в единое целое, охватывающее все науки. Он с одобрением отзывался о бэконовской классификации наук. Но подлинной реализацией плана, намеченного британским автором, он считал просветительскую «Энциклопедию», объединившую разнообразные факты, касающиеся наук и искусств. Именно философы-просветители, по Кабанису, развеяли предрассудки относительно природы добродетели, заложили основы для торжества истинной морали и завоевания свободы человечеством. Философы XVIII в. выступили против фанатизма и деспотизма, эти «друзья человечества», рассеявшие многочисленные заблуждения, препятствовавшие счастью людей, по его мнению, несомненно, остаются в памяти благодарных потомков.

В свете концепции единства знания вопрос о соотношении изучения физической природы человека и его интеллектуальных способностей не кажется полученным искусственно, либо изначально предполагающим опору на определенную онтологию. Кабанис настаивал на необходимости взаимодействия медицины и моральных наук; он говорил о связи в развитии органов тела и страстей. Наука о человеке,

по его мнению, будучи единой, подразделяется на три ветви: физиологию, исследование происхождения идей, мораль. Он полагал, что ближайшим его предшественникам, Гельвецию и Кондильяку, при всей глубине их учений, не хватало физиологических познаний. В действительности «физическое и моральное смешиваются в своем источнике; или, лучше сказать, моральное — это только физическое, рассмотренное с определенных точек зрения» [Cabanis 1980, 78]. Изучение феноменов, служащих проявлением жизни, всегда приводит к физической чувствительности как основному элементу. Интеллектуальные способности и страсти души в качестве своего самого общего принципа предполагают именно физическое основание. Доказательством этого положения, по мнению французского философа, служит подтверждаемый наблюдениями факт: жизнь состоит в последовательности движений, осуществляемых под воздействием впечатлений, получаемых органами чувств. Кроме того, истинность упомянутого положения подкрепляет зависимость операций души от мозга. Благодаря чувствительности человек удостоверяется в существовании внешних предметов, также как и самого себя. «Но с момента, когда мы ощущаем, мы существуем» [Cabanis 1980, 78]. Спротивление, с которым сталкивается человеческая воля, служит несомненным свидетельством наличия внешнего мира. Различия в способах ощущения, в их интенсивности и продолжительности, связанные с темпераментом, возрастом, полом, болезнями, объясняют как преобладание в определенный период в мышлении людей одних идей, так и склонность к отрицанию других. Объекты, не оказывающие воздействия на человеческие органы чувств, должны быть признаны не поддающимися научному исследованию.

«Природа рождает человека с определенными органами и способностями: но искусство может расширить эти способности, изменить или регулировать их использование, создавать в некотором роде новые органы. Это — результат действия воспитания, которое, строго говоря, — лишь искусство впечатлений и привычек» [Cabanis 1980, 99]. Вслед за Гельвецием Кабанис трактует человеческую жизнь как продолжающееся воспитание.

Автор «Отношений физического и морального в человеке» полемизирует с утверждением о том, что все идеи проистекают исключительно от ощущений, связанных с внешними объектами. Он настаивал на том, что наблюдения доказывают невозможность сведения моральных определений единственно к восприятиям, получаемым органами чувств, на которые воздействуют внешние предметы. Необходимо признать также роль впечатлений, порождаемых внутренними органами, которые для ряда случаев, касающихся происхождения тех или иных представлений, даже более важны.

Животная природа заключена, по Кабанису, в способности ощущать и двигаться. Следуя методу физиков и геометров, «мы нашли повсюду в качестве единого принципа феноменов животного существования способность ощущения» [Cabanis 1980, 141].

Классическим выражением позиции вульгарного материализма большинство исследователей считало, прежде всего, выдвинутую Кабанисом концепцию взаимосвязи мышления и мозга, поясняемую аналогией с деятельностью желудка. «Чтобы образовать правильную идею операций, из которых проистекает мысль, надлежит рассматривать мозг как особенный орган, специально предназначенный к ее производству; так же, как желудок и кишечник для совершенства пищеварения... Впечатления, попадая в мозг, пробуждают его деятельность; подобно тому, как пища, попадая в желудок, подталкивает его к более обильному выделению желудочного сока и движениям, которые благоприятствуют ее растворению» [Cabanis 1980, 137]. Французский философ заявлял, что возражение, согласно которому мы плохо представляем себе механизм органических движений, осуществляющих деятельность мозга, несущественно. Ведь и действия желудка, определяющие пищеварение, отнюдь не до конца известны. Достаточно того, что мы знаем о пище, прежде ее попадания в желудок, и представляем ее последующее состояние. Также и с мозгом: нам известно, что посредством нервов он получает разрозненные, изолированные впечатления, которые преобразует в идеи. «Мы заключаем с той же достоверностью, что мозг в некотором роде переваривает впечатления; что он органически производит выделение мысли» [Cabanis 1980, 138].

Опора на физиологию при описании процесса мышления позволяла, согласно Кабанису, решить давнюю теоретическую проблему трансформации пассивной чувствительности в рассуждение. Интеллектуальные операции — это действия мозга, направленные на попадающие в него восприятия.

На первый взгляд материалистическая ориентация главной философской работы Кабаниса кажется бесспорной. Органическая чувствительность как основа понимания всех проявлений человеческой природы, редукция морального к физическому, грубая аналогия между деятельностью мозга и желудка — разве нужны еще какие-либо подтверждения тому, что перед нами — упрощенная версия одной из господствовавших линий философии XVIII в.? Необходимость уточнения позиции Кабаниса связана прежде всего с его «философским завещанием», текстом, по-видимому написанным в 1806 г., и опубликованным уже после его смерти Фредериком Бераром в 1824 г.

«Письмо к Форелью о первых причинах» и прежде его публикации Бераром многим было известно по рукописным копиям. Неясно, собирался ли когда-либо его отдавать в печать сам автор.

Форель, молодой приятель Кабаниса, поделился с ним своим замыслом написать историю стоицизма. Полностью одобряя намерение своего друга, знаменитый философ использовал эту тему как предлог обратиться к общим мировоззренческим вопросам. Он заявляет, что «во всех странах и во все времена» воображение философов приводило к возникновению религий. В то время как поэты выражали их содержание на понятном народу языке, политики использовали религии в своих интересах. Следование морали составляло важную потребность человека, еще не способного к тщательному изучению физических фактов. Отсюда недостоверность результатов философских рассуждений, случайность в выборе теоретических путей. Люди воображали действие невидимой воли, грезили о будущих наградах. Религиозные идеи, соединенные с моралью и политикой, принесли людям неисчислимые беды. Шарлатаны способствовали распространению порочных привычек, влияние ложных идей сдерживало прогресс человечества, уводя его развитие в сторону от подлинного пути. Кабанис призывает воспрепятствовать попыткам кого бы то ни было говорить от имени «божественного всемогущества». Он усматривает в подобных попытках желание достичь личных целей, примесь человеческих страстей, торжество заблуждений. На его взгляд, религии были полезны в момент образования общества, поскольку способствовали объединению людей, установлению между ними прочных связей. Но затем ситуация изменилась, жреческие организации стали вести деятельность, противоположную интересам общества в целом.

Кабанис не призывал к упразднению религии. Он считал важным рассмотреть вопрос всесторонне, прежде чем выносить итоговое решение. Возможно, заявляет он, когда-нибудь на земле останется только «простая и утешающая» религия, приверженцами которой были такие люди, как Франклин и Тюрго. Ее же, добавляет он, придерживались и стоики. Но чтобы решить вопрос об истинной религии, следует, прежде всего, обратиться к общим причинам, определяющим существование феноменов природы.

Человек, располагающий разумом и волей, склонен переносить свои свойства и на остальной мир, поэтому люди видели в явлениях природы, в ветре, дожде, граде действия сознательных сил. Такого рода идеи ошибочны и смешны, но они были неизбежны в те времена, когда еще не начиналось систематическое изучение природного мира. Постепенно вселенная начинает восприниматься как вмещалище множества физических свойств, принадлежащих различным телам. Закономерно возникает вопрос о причинах существования физических свойств. Идея сугубо механической вселенной не может удовлетворить огромное большинство людей, они желают найти объяснение обнаруживающейся повсюду целесообразности.

Вместе с тем «очевидно, что первые и общие факты не могут быть познаны» [Cabanis 1980, 630]. В частности, по Кабанису, несомненно, что вселенная, рассмотренная в отношении тех причин, которые ее сохраняют и приводят в движение, не сопоставима ни с чем. Эти причины нельзя с чем-то сравнить, измерить, а потому нельзя и познать. Но он оставляет возможность за правдоподобным заключением, за рассуждением по аналогии там, где нет прямого ответа. Первые причины не воспринимаются непосредственно, через чувства, не существует и строго демонстративного знания о них. О них можно заключать лишь с некоторой вероятностью. Пусть это и не точное научное знание, в данном случае недостижимое. Поэтому Кабанис предлагает отказаться как от не имеющих точного значения терминов «материализм», «атеизм», «деизм», «спиритуализм». Системы, обозначаемые этими понятиями, связаны с претензией на обладание знанием, в его полноте человеку недоступным. Более того, французский врач заявляет о своем намерении воздержаться от употребления понятия «Бог», ссылаясь на его неопределенность, дискуссионность, отсутствие точной характеристики и склонность, присущую людям, трактовать его на свой индивидуальный вкус.

Согласно Кабанису, самый поверхностный взгляд на организацию растений и животных, их развитие, расцвет, воспроизводство, должны приводить к мысли о наличии плана, цели, а, следовательно, высшего разума и воли. Хотя подобное заключение не является результатом строгого доказательства, оно весьма убедительно в силу отсутствия фактов, делающих правдоподобной противоположную гипотезу. Он считал вероятным, что разум распространен повсюду во вселенной, «поскольку материя повсюду беспрестанно стремится организовать в ощущаемые существа» [Cabanis 1980, 638]. Кабанис высказывал предположение о присутствии чувствительности в любой части материи, проявляющейся в разной пропорции и становящейся заметной людям только при определенной структуре физических тел. Таким образом, «активные силы одушевляют все части материи», «человеческий ум... не может избежать признания в активных силах вселенной ума и воли» [Cabanis 1980, 639].

Французский врач предостерегал против рассуждения о таких качествах высшей причины, как справедливость и доброта, в силу их антропоморфности. Причине бытия нередко приписывали сугубо человеческие страсти, что служило серьезным оружием в руках сторонников учения о мире как слепом механизме. Кабанис же выступает против персонификации верховного разума. Он уточняет, что «волящий разум» присутствует везде, но при этом во вселенной, по аналогии с органическими телами, могут присутствовать «частные центры», в которых аккумулировался бы этот разум и даже, возможно, имеется некоторый «общий центр» физического бытия.

«Поскольку мы видим и можем наблюдать только вселенную, мы не станем предполагать ничего вне ее; но мы оживим ее разумом, поскольку мы не можем иначе постигать феномены, и волей, поскольку воля есть не что иное, как действие, которое реализует активность ума» [Cabanis 1980, 643]. Концепцию «одушевленной вселенной», развиваемую Кабанисом, исследователи нередко именовали «анимизмом» и «пантеизмом». Французский врач заявлял, что в отсутствие возможности прямых наблюдений, сохраняется большая вероятность присутствия в других мирах разумных существ, столь же превосходящих людей совершенством, как сам человек превосходит полипов. Если жизнь есть повсюду, то и степени ее воплощения должны быть крайне многообразны.

В вопросе о бессмертии души, по Кабанису, можно опираться лишь на смутные, недостоверные данные. Некоторые философы считают, что человеческое я погибает вместе с телом. Но это мнение, настаивал Кабанис, отнюдь не доказано ясным образом. Он прямо говорит, что «внимательный анализ» приводит его к заключению о большей степени вероятности, которую можно приписать противоположной точке зрения. Начало, одушевляющее тело – субстанция, реальное бытие. Но такое заключение все еще остается в области «простой вероятности».

Истинная религия, согласно Кабанису, основана на природе вещей и человека, все ее содержание заключено в том, что верховный законодатель открыл глазам и сердцу людей. Эта религия дает представление о высшей причине, равно как закладывает основы для счастья людей и народов, она должна прийти на смену ложным религиям прошлого.

«Письмо к Форьелю» вызвало разнообразные, противоречащие друг другу интерпретации со стороны историков философии. В нем видели признаки эволюции взглядов, свидетельство слабости и несостоятельности материализма, непоследовательность философской позиции. Самым очевидным решением представлялся вывод о резкой смене мировоззренческих ориентиров. Его, к примеру, не колеблясь, формулирует Жан Филибер Дамирон: «Изменение учения ощутимо, но как его объяснить?» [Damiron 1834, 89]. Ответ, представлявшийся убедительным Дамирону, состоит в том, что первоначально Кабанис, следуя замыслу дополнить «Трактат об ощущениях», сосредоточился исключительно на «органических условиях» человеческих восприятий, затем же обратился к психологической точке зрения на объект своих исследований. «В то время как он был только физиологом, он имел лишь неполный взгляд на свой предмет; занимаясь психологией, он оказался ближе к истине. Нет ничего лучшего для науки, чем такое движение ума, оно доказывает присутствие в разуме не неустойчивости и непоследовательности, но силы, широты и прогресса» [Damiron 1834, 90]. Интерпретация, согласно которой в творчестве Кабаниса наблюдается радикальный разрыв ценностных установок, находит

своих защитников и сегодня. Так, например, Жак Постель заявляет: «...после защиты материалистической точки зрения в своем “Трактате о физическом и моральном в человеке” (1802)... он возвращается к вполне общепринятой и консервативной метафизике в “Письме о первых причинах”» [Postel 2001, 306–307].

Но, наряду с приведенной, к числу наиболее значительных относится и совершенно иная линия истолкования теоретического наследия знаменитого врача. Л. Пайс, издатель работ Кабаниса, настаивал на единстве его творчества, отказывался признавать в нем разрывы. В подобной перспективе «Письмо о первых причинах» представало не пересмотром, а «дополнением» и «комментарием» к позиции, выраженной в «Отношениях физического и морального в человеке». Исследователь усматривал в более ранней работе несомненные «следы» последующей теории, раскрытой в «Письме». По его мнению, в главном труде Кабаниса можно обнаружить две различные тенденции, между ними колеблется позиция автора, который, возможно, сам не вполне четко их разграничивал. Но «подлинный смысл его учения и окончательное выражение его мысли» следует видеть в «Письме» [Peisse 1980, LVII]. Со своей стороны, Ф. Колонна д'Истриа утверждал, что «в действительности, между последним сочинением Кабаниса и другими частями его творчества совсем не было существенных изменений» [Colonna d'Ystria 1916, 456]. По его мнению, уже в 10-й главе главного труда Кабаниса можно видеть замену оппозиции материя — дух идеей инстинкта и воли, проявляющихся в окружающей природе. Исследователь настойчиво проводил мысль о том, что Кабанис в своем главном труде «вовсе не задавался целью, как слишком легко было сочтено, доказать истину материализма» [Colonna d'Ystria 1912, 46]. С его точки зрения, Кабанис сыграл важную роль в подготовке последующей трансформации психологии XIX в. в направлении «рассмотрения наиболее глубоких и спонтанных причин духовной деятельности» [Colonna d'Ystria 1911, 177].

Франсуа Азуви был убежден в том, что «если Кабанис поддерживает одновременно идею производства мысли мозгом и неразрушимого я, непознаваемости первых причин и утверждения Разума, всюду присутствующего во Вселенной, то потому, что эти положения принадлежат противоположным регистрам» [Azouvi 1984, 433]. В значительной степени подобного рода заявление представляется справедливым; необходимо остановиться на вопросе о том, каким образом возможно примирение и соединение разнородных философских «регистров». Решение этого вопроса позволит прояснить дискуссионные моменты в учении мыслителя, который, по выражению Франсуа Пикавэ, был «в течение почти двадцати лет одним из наиболее видных представителей, и, наряду с Дестютом де Траси, главным вдохновителем французской философии» [Picavet 1891, 176].

Очевидно концепция эволюции французского мыслителя от вульгарного материализма к спиритуализму имеет свои уязвимые стороны. Прежде всего, сам Кабанис уже в период подготовки «Отношений физического и морального» стремился отделить свои исследования от онтологических построений, выполненных в стиле философов прошлого. В данном случае дело не ограничивается простой декларацией, читатель сталкивается с определенным обоснованием заявленной позиции.

В своем главном труде Кабанис настойчиво повторял, что не ставит своей целью опровержение каких-либо учений о первых причинах с намерением заменить их новыми. Он не устал дистанцироваться от онтологической проблематики, объявляя ее неразрешимой, далекой от его интересов. «Мы рассматриваем эти причины как расположенные вне сферы наших изысканий и как навсегда скрытые от средств исследования, которые человек получил вместе с жизнью» [Cabanis 1980, 54]. Он характеризует как не имеющий научного ответа вопрос о сущности того начала, которое сообщает телам жизнь. Неизбежное невежество по отношению к первым причинам он именуется единственным результатом по-настоящему мудрого употребления разума. Поэтому Кабанис всячески подчеркивал, что его труд не имеет отношения к метафизике, лишенной, по его мнению, научного будущего, но включает прежде всего физиологические исследования. Замысел проникновения в сущность вещей французский мыслитель считал абсурдным, поскольку, рассматривая идеи как результат сравнения ощущений, он был убежден, что они не выходят за пределы общей чувствительности человеческой природы, а потому и не говорят ничего о внутренней природе объектов. Равным образом причина и сущность способности ощущения, свойственной всему живому, не может быть раскрыта средствами философии. О причинной связи люди обыкновенно заключают благодаря последовательности феноменов, их сходству, но общие факты, подобные характеристике животной природы посредством способности ощущать, не подлежат сведению к иным явлениям. Общий факт самодостаточен и спрашивать о его причине бесполезно. Первые причины ускользают от наших наблюдений. Соответственно, лишь на феноменальном, но не субстанциональном уровне может проследиваться связь физического начала с моральным.

В «Письме» мотив непознаваемости первых причин сохраняется, но дополняется иным — соображениями о начале бытия, за которыми признается вероятностный характер. Как и Декарт, Кабанис устранял вероятностное знание из структуры науки. Учитывая это обстоятельство, можно предположить, что из «Отношений физического и морального» были попросту изъяты все соображения, которые автор считал ненаучными, в то время, как в частном письме он высказался

откровенно и с полнотой о волновавших его мировоззренческих вопросах.

Следуя «бритве Оккама», тезис о полной смене мировоззренческих приоритетов в работах Кабаниса можно считать избыточным. Очевидно в обоих его значительных произведениях присутствуют агностические мотивы – первый «регистр», предполагает вынесение за пределы научных проблем вопросов метафизического толка; второй «регистр» можно связать с вероятностным знанием, касающимся всеобщей одушевленности материи.

Несомненно, в творчестве Кабаниса нашли свое воплощение ведущие темы, характерные для философии Просвещения. Это и критика деспотизма, и декларируемая борьба с фанатизмом и невежеством, и сенсуализм, и стремление придать моральное измерение политике. Вместе с тем в его теоретическом наследии некоторые принципы классиков просветительской мысли получили своеобразное преломление, были нестандартно преобразованы. В частности, Кабанис, принимая идею высшей причины, был далек и от «деизма разума» Вольтера, и от «деизма чувства» Руссо. Он отвергал идею бытия создателя вне мира, растворял верховный разум в природе. Но этому разуму приписывалась способность образовывать определенные «центры», аккумулируя свои усилия, и даже общий «центр».

В произведениях одного из крупнейших философов эпохи Консульства и Империи проводится не свойственное классикам Просвещения деление мировоззренческих проблем по уровням, соответствующим достоверно-научному и неточному, вероятностному знанию. Характерный для материализма тезис о чувствительности как всеобщем свойстве материи трансформируется в учение, заключающее пантеистические мотивы. Поздний этап просветительской мысли оказывается окрашенным особыми тонами, в которых было бы неверно видеть только банальное повторение идей XVIII столетия. В этом отношении Кабанис предстает как предшественник и позитивизма, и спиритуализма XIX в., двух противоположных направлений, к которым оказываются близки два различных «регистра» его творчества.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Azouvi 1984 – *Azouvi F.* Cabanis // D. Huisman (dir.). Dictionnaire des philosophes. Vol. 1. – Paris: PUF, 1984. P. 431-433.

Cabanis 1980 – *Cabanis P.-J.-G.* Rapports du physique et du moral de l'homme. – Genève: Slatkine, 1980.

Colonna d'Ystria 1911 – *Colonna d'Ystria F.* Cabanis et les origines de la vie psychologique // *Revue de métaphysique et de morale.* 1911. № 2. P. 177-198.

Colonna d'Ystria 1912 – *Colonna d'Ystria F.* Les formes de la vie psychologique et leurs conditions organiques d'après Cabanis // *Revue de métaphysique et de morale.* 1912. № 1. P. 25-47.

Colonna d'Ystria 1916 – *Colonna d'Ystria F.* La religion d'après Cabanis // *Revue de métaphysique et de morale.* 1916. № 3. P. 455-471.

Damiron 1834 – *Damiron Ph.* Essai sur l'histoire de la philosophie en France au XIXe siècle. T. I. – Paris: Hachette, 1834.

Peisse 1980 – *Peisse L.* Notice historique et philosophique sur la vie, les travaux et les doctrines de Cabanis // *Cabanis P.-J.-G.* Rapports du physique et du moral de l'homme. – Genève: Slatkine, 1980. P. VII-LXVIII.

Picavet 1891 – *Picavet F.* Les ideologues. – Paris: Félix Alcan, 1891.

Postel 2001 – *Postel J.* Cabanis // *Dictionnaire des philosophes.* – Paris: Albin Michel, 2001. P. 306-307.

CABANIS: THE CLASSIC OF VULGAR MATERIALISM?

A.A. KROTOV

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Summary

The article is devoted to the analysis of theoretical heritage of Cabanis, who, according to many interpreters, was the foremost representative of vulgar materialism in the French philosophical tradition. The phenomenon of vulgar materialism is often seen by historians of ideas as the evidence of the spiritual degradation of the era, the proof of its creative exhaustion. Such a scheme allowed to speak about the decline of French philosophy at the turn of 18th and 19th centuries, about the weakening of a critical element in the culture and the predominance of straight-dogmatic. The article proves that the existence of vulgar materialism in the final stage of Enlightenment in France is problematic and can be questioned. The philosophy of the Directory and the Consulate is not reduced to the simplified version of prior doctrines. It has certain characteristics and the key to understanding of them is in many respects the philosophy of Cabanis. The article shows that in his final work Cabanis defended the ideas that are incompatible with the position of vulgar materialism. The author gives arguments that allow us to speak about the absence of a sharp discontinuity in his views, about the possibility to interpret his work without relying on the idea of changing of ideological positions. Cabanis' philosophy includes the attitudes, typical for the Age of Enlightenment in general: a critique of despotism, the desire to disprove prejudices, the call to contribute to the happiness of the human race by eliminating all injustices. The statements about the relationship of medicine and ethics, moral as the manifestation of physical bear on themselves the imprint of the influence of materialistic ideas. But the concept of the supreme cause, specific interpretation of the problem of religion, the thesis of the impossibility of metaphysics give Cabanis' doctrine a unique identity, allowing to consider his legacy as a source of inspiration for the supporters of the opposite trends in subsequent philosophy: positivistic and spiritualistic.

Keywords: Cabanis, the school of “ideologists”, philosophy of the Age of Enlightenment, metaphysics, pantheism, French philosophy.

Krotov, Artem – D.Sc. in Philosophy, Head of the Department of History and Theory of the World Culture of the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

krotov@philos.msu.ru

Citation: *KROTOV A.A.* (2017) Cabanis: the Classic of Vulgar Materialism? In: *Philosophical Sciences.* 2017. Vol. 9, pp. 67-79.